

Ссылка для цитирования: Писаренко И.А. Психология иждивенчества в семейном воспитании. //Народное образование. 2016. № 1. С. 129-138.

Ирина Писаренко

ПСИХОЛОГИЯ ИЖДИВЕНЧЕСТВА В СЕМЕЙНОМ ВОСПИТАНИИ

- Здравствуйте, мне нужна консультация специалиста!
- Здравствуйте! А что у Вас за проблема?
- Да вот ребенок... не хочет ни учиться, ни работать, ни помогать по дому... Грубит, хамит, ещё и угрожать стал в последнее время...
- Хорошо, давайте запишем Вас на прием к консультанту. Сколько лет Вашему ребенку?
- Двадцать три...

(Из опыта работы)

Психология иждивенчества в отечественной науке начала изучаться относительно недавно, хотя в последние годы эта проблема становится актуальной для всё большего числа семей. Ученые отмечают у современных детей развитие «прагматической идеологии», инфантильности (Д.И. Фельдштейн), что признается одним из видов девиации (В.Н.Долматова).

В основе иждивенчества, по мнению исследователей, лежат как минимум две детерминанты: пассивная жизненная позиция (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, П.В. Симонов и др.) и/или социальные проблемы (Е.С. Балабанова, И.Г. Дубов, В. Магун и др.).

Некоторые ученые говорят о так называемом «социальном иждивенчестве» (Шевелева Н.П., Кузнецов И.С. и др.), рассматривая его как результат негативной социальной адаптации. Главными причинами такого иждивенчества, по мнению авторов, сегодня являются деформация социальных и семейных ценностей, праздность, неумение и нежелание серьезно трудиться [5].

Специалисты, изучающие отношение к труду, считают, что детский труд (и сопутствующее ему трудовое воспитание) в современной России низведены в ранг «вне педагогического закона» - и это несмотря на то, что подавляющему большинству учащейся молодежи присущ преимущественно потребительский, нетрудовой образ жизни (Б.С.Павлов) [4].

Если иметь в виду, что под «инживенчеством» понимается «стремление во всём рассчитывать не на свои силы, а на помощь других, вообще жить за чужой счёт» (см. Словарь С.И. Ожегова), то возникает необходимость разобраться в том, каким же образом наша страна, первая запустившая человека в космос, освоившая целину и победившая фашизм, в начале двадцать первого века получила целую армию иждивенцев?..

Современные опросы показывают, что большинство респондентов (особенно зрелого возраста) видят истоки иждивенчества в отсутствии целенаправленной педагогической работы с детьми по формированию у них активной жизненной позиции.[5].

Таким образом, истоки иждивенчества необходимо искать, прежде всего, в системе общественного и семейного воспитания.

К слову сказать, в нынешней ситуации бесконечной «модернизации» образования общество потеряло понимание границ ответственности имеющихся социальных институтов за воспитание детей: школа кивает на семью, семья на школу, а дети в это время проводят время у компьютеров, наслаждаясь заработанным родителями комфортом.

Попробуем проанализировать, каким образом труд как системообразующий элемент воспитания детей «всех времен и народов» исчез из современной педагогической практики?..

Тема трудового воспитания была очень популярна в советское время, так как труд являлся обязательным компонентом государственной политики во всех сферах.

Несмотря на то, что Конституция СССР декларировала свободный характер труда, государство считало труд *обязанностью*, а не правом, и в трудовом законодательстве того времени даже предусматривалась уголовная ответственность за тунеядство.

Собственно, трудовая деятельность детей до революции 1917 года всегда была естественной частью жизни семьи, и в тот период ни у кого не возникало мысли об «эксплуатации детей» или правовой регламентации детского труда. Философия патриархального общества базировалась на идее трудовой общности (все работали для всех), и дети всегда вносили посильный вклад в материальную копилку семьи.

С появлением советского государства идеология труда отразилась даже в названиях законодательных актов, посвященных образованию. Начало истории советской школы положили два документа: «Положение о единой трудовой школе РСФСР» (30.09.1918 г.) и «Основные принципы единой трудовой школы» (16.10.1918 г.). Основу школьной жизни, согласно этим документам, составлял общественно необходимый производительный труд, который должен быть органически связан с обучением и призван знакомить детей с разнообразными формами производства.

Большевики (значительная часть которых была выходцами из тех же патриархальных семей) не стали существенно менять условия новой жизни детей, хотя и провозгласили учёбу основной задачей подрастающего поколения. Тем не менее, трудовое воспитание являлось важной и *неотъемлемой* частью любого педагогического процесса. Причем, интеллектуальная деятельность в качестве *труда* учеными и практиками того времени практически не рассматривалась. В начале 20-х годов прошлого века социальным идеалом в обществе (и воспитании) был человек физического, а не умственного труда. «Вшивых интеллигентов» явно недолго любили и относились к ним с подозрением. Ярким примером такого отношения можно считать образ Швондера из «Собачьего сердца» М.Булгакова.

Гораздо позже, с развитием индустриализации и увеличением потребности в инженерных кадрах, начинает возрастать роль науки и технологий, формируется интеллектуальная элита.

Однако, несмотря на активную социально-профессиональную стратификацию общества («рабочий класс», «общественно-политические деятели», «работники интеллектуального труда», «представители творческой интеллигенции» и т.д.), роль трудового воспитания в семье и системе образования оставалась довольно значительной. Дети (октябрята, пионеры, комсомольцы) продолжали помогать стране строить коммунизм – участвовали в «тимуровских» акциях (помощь пожилым людям), собирали макулатуру и металлолом, выполняли работы по благоустройству, работали на пришкольных предприятиях и т.д. В системе образования, помимо обязательных уроков труда, были созданы Межшкольные учебно-производственные комбинаты, в которых дети осваивали азы рабочих профессий; активно развивалась сеть средне-специальных учебных заведений, гибко «подстроенных» под особенности производственной сферы (вечерняя, заочная форма обучения), в системе высшего образования появились «рабфаки» («рабочие факультеты» - подготовительные отделения для выпускников школ, отработавших на производстве не менее года), для работающих по специальности развивалась система льгот при приеме в вузы.

Вопросы трудового воспитания и общественно-полезной деятельности активно разрабатывались в отечественной науке (Т.К.Ахаян, И.А. Каиров, А.С.Макаренко, М.М. Пистрак, К.Д.Радина и др.).

Используя институциональные и идеологические возможности, государство умело расставляло акценты в формировании мировоззрения человека: ты можешь получить многое, *если* будешь трудиться. Иными словами, труд в советское время становится *условием* нормальной жизни человека; от количества индивидуальных усилий зависел успех общего дела; общее дело – это вклад в достижение и общей цели – коммунизма.

Коммунизм выступал как некая глобальная цель, на которую «работало» всё общество. Человеку, родившемуся в СССР, не нужно было долго размышлять о смысле жизни: на худой конец, этот смысл (*общий* смысл) государство ему предоставляло изначально. Тем самым человек *сначала* учился работать и вкладывать свою часть в общее дело, а позже мог решить, *для чего* он живет (и поменять эту общую цель на цель индивидуальную). Но незыблемым принципом советской жизни был лозунг «Кто не работает, то не ест». И точка.

К слову сказать, многие из тех «октябрят» и «пионеров» сегодня являются наиболее надежными сотрудниками в государственных и частных компаниях. Работодатели, имевшие печальный опыт найма беззаботных молодых кадров, сегодня всё охотнее берут на работу пенсионеров, так как мера ответственности и добросовестности, присущая этой кагорте людей, в некоторых случаях существенно превышает «социальное усердие» современных (молодых) сотрудников.

В 70-80-х годах (годы так называемого «застоя») в Советском Союзе отношение к физическому труду начинает меняться. С развитием высшего образования и появлением партийных и интеллектуальных элит труд на реальном производстве становится менее престижным. С повышением общего благосостояния людей (на индивидуальном и институциональном уровне) формируется психология «ничегонеделания»: штаты различных НИИ раздуты, продуктивность многих государственных учреждений снижается, родители всё больше начинают ориентировать детей на получение высшего образования, чтобы избавить их от физической работы.

С уменьшением количества сельского населения, развитием городов, начинает формироваться новый тип семьи (нуклеарный, с меньшим количеством детей). Ценность детей возрастает, в семейном воспитании всё больше формируется детоцентризм, появляется новый тип ребенка - иждивенец. Подобное воспитание критикуется специалистами на страницах книг и журналов, представители советской педагогики продолжают настаивать на обязательном «трудовом» компоненте в школьном и семейном воспитании, в обществе осуждается «тепличное воспитание» и тунеядство.

В конце 90-х годов, когда социально-экономический уклад в России меняется, трудовое воспитание как элемент общего воспитания исчезает как на институциональном уровне, так и на уровне содержания образования. Это – один из главных парадоксов переходного периода.

Казалось бы – с развалом страны, когда не стало общих целей, общих ценностей, общей идеологии и общего имущества, людям необходимо было осознать, что отныне только их индивидуальные трудовые усилия способны обеспечить качественное существование отдельно взятой семьи (или человека). И что именно от воспитания детей в духе «индивидуальной трудовой активности» зависит качество жизни не только самих детей, но и их родителей (будущих пенсионеров), ведь социальные гарантии в новой экономической ситуации становятся весьма нестабильными.

Но, по всей видимости, родителям 90-х годов никто не объяснил, что для построения демократического общества одних только свалившихся сверху политических и экономических свобод явно недостаточно. Нужна ещё привычка человека к приложению собственных усилий к само-строительству, само-продвижению. То есть – ориентация на реальную субъектность, с полным само-обеспечением, в том числе материальным.

Казалось бы, принцип «Кто не работает – тот не ест» для демократического общества самый подходящий. Но в воспитании детей после перестройки этот принцип работать перестал. Дети всё больше требуют для себя не только психологической, но и материальной свободы.

Картинка сегодняшнего дня:

Девочку (15 лет) из обеспеченной семьи перестало устраивать её финансовое положение. Попытки увеличить объем выдаваемых родителями карманных денег не увенчались успехом. Родители считали, что дочь ни в чем не нуждается, так как все её потребности и так покрываются довольно внушительной суммой

наличных. Тогда девочка поделилась с более обеспеченной подружкой гениальной идеей – продать один из своих органов, чтобы иметь собственные деньги. Речь шла о нескольких миллионах рублей.

Подружка была девочкой доброй. Недолго думая, взяла из сейфа родителей сумму, чуть превышающую стоимость двухкомнатной квартиры в крупном городе, да и поделилась с бедной страдальницей. Безвозмездно. В ситуации, когда эти деньги не заработаны самостоятельно, порядок цифр не столь важен.

Родители, обнаружив у своей дочери такую огромную сумму, тут же связались с семьей «благотворительницы», чтобы вернуть деньги. Однако мама щедрой девочки пожурила родителей за то, что их дочь вынуждена ущемлять свои интересы, и предложила обеспечивать её такой суммой, которую та пожелает. («Нельзя же, чтобы ребенок страдал от нехватки денег!»).

(Из опыта работы)

Описанный случай удивителен только размером суммы. Сама же модель всё чаще и чаще повторяется в разных семьях: дать ребенку как можно больше того, что он хочет. Или может захотеть. Чтоб ни в чем не нуждался. Чтоб не хуже других («А то самооценка упадет!»). Чтоб привыкал к нормальной жизни, осваивал новые социальные стандарты и не терялся, если что, в «приличном обществе».

На самом деле, ***ситуация, которая сложилась в конце XX – начале XXI века в отношении детей, уникальна***: никогда ещё в обозримой (а тем более в необозримой) истории развития человечества ребенок не был приоритетным членом общества. Об этом свидетельствуют многие антропологические, историко-культурные и социально-психологические исследования (Ф.Арьес, Л.Демоз, И.Кон, М.Мид, и др.).

Борьба за права детей (как наиболее уязвимой части социума) началась давно. Но борьба эта была посвящена спасению ребенка от унижений, подавления его личности, физического насилия и принуждения. И новое отношение к ребенку, к которому призывали гуманисты разных времен, начиная от Ж.Ж.Руссо и Л.Н.Толстого, никак не подразумевало освобождение детей от непосильного вклада сначала в семейную, а затем и в общественную жизнь. И никак не поощряло иждивенчества, а тем более – отъем ресурсов у взрослых членов семьи, претензий к родителям о том, что «недодали», «недоласкали», «недопоняли».

Взрослый, в отличие от ребенка, всегда имел более высокий социальный статус, так как именно он обладал более высокой (по сравнению с ребенком) мерой ответственности. В этом смысле общество имело жесткий социальный каркас – когда ситуацией управляет тот, кто способен отвечать за свои решения.

Но XX век можно назвать веком «парадигмального педагогического сдвига»: ребенок становится не объектом, а субъектом общественной и семейной жизни. Во многих европейских странах и США ценность детей возрастает, их права укрепляются, создаются институциональные возможности для их защиты и развития.

Активное распространение гуманистических идей в мире (К.Роджерс, А.Маслоу, Г.Олпорт, В.Франкл и др.) не обошло и Россию: на волне перестройки 90-х родители и педагоги восприняли эти идеи как новый эталон воспитания. «Натерпевшись» в советское время издержек коллективизма, новые мамы и папы взяли курс на «индивидуализацию». Но поскольку гуманистическое и демократическое воспитание могло позволить себе только государство с крепкой финансовой и идеологической устойчивостью, российские семьи оказались не готовы к реализации этих идей. В связи с тем, что в школах работали педагоги, получившие образование в Советском союзе, ждать помощи от них в «новом воспитании» российским родителям было сложно.

И они стали реализовывать идеи гуманизма так, как смогли его понять: свобода без ответственности. Можно сказать и по-другому: свобода безответственности. Родители, многие из которых провели детство с «ключом на шее», решили растить своих чад в максимально комфортных условиях. Благо, возможностей для обеспечения этого комфорта становилось всё больше – начиная от широкого спектра товаров и заканчивая наймом любых «специальных» людей, способных как следует позаботиться о ребенке.

Особое место в увлечении родителей гуманистическими идеями занимала стремительно развивающаяся информационная среда.

С начала 90-х годов в стране стали активно издаваться зарубежные книги, предлагающие новый подход к воспитанию детей в семье (А.Адлер, Т.Гордон, Х.Джинот, Р.Дрейкурс, Б.Спок и др.) . И хотя тема «трудового воспитания» (активизация личных усилий ребенка, формирование его самостоятельности и ответственности) в них всегда подразумевалась как нечто естественное, представить эту идею в явном виде удавалось не всем авторам. Книги зарубежных авторов, написанные изначально для зарубежных родителей, опирались на тот социальный контекст, с которым *их* читатели были хорошо знакомы, и который определял меру свободы ребенка *в связке* с мерой его ответственности. И как раз в капиталистических странах принцип «Хочешь чего-то – заработай!» реализовывался и в социальной сфере, и в воспитании детей. С самого раннего возраста дети имели возможность подрабатывать, и взрослое население активно помогало молодому поколению освоить этот важный принцип на практике, ведь по достижении ребенком совершеннолетия ему предстояло начать автономную *материальную* жизнь. Естественно, каждый разумный родитель пытался как можно лучше подготовить ребенка к этому периоду, а потому развитие навыков самообеспечения было (и остается сейчас) приоритетной задачей зарубежной семьи (см., например публикацию [2]).

Но российские мамы и папы «бытийную» часть гуманистического воспитания упустили. Фокус их внимания сосредоточился на духовных аспектах, поиске современных развивающих методик, выстраиванию новых способов обучения детей. Этому способствовала и идеологическая неопределенность нового постсоветского общества, развал системы образования, вынужденная миграция, разобщенность людей и утрата семейных связей. Общество рассыпалось как порванные бусы, и каждая семья оказалась автономной педагогической системой. И мировоззренческим ядром этой системы стал лозунг «Учеба – это главный труд ребенка!». Весь остальной труд по обслуживанию детей лег на родителей. В стране начинает культивироваться детоцентристский уклад семьи, хотя в науке психология детоцентризма практически не изучается. Однако в работах более позднего периода именно детоцентризм семейного воспитания называется одной из главных причин инфантилизации детей (М. Арутюнян, 1988) [1].

В конце 90-х годов страна получает новое средство коммуникации – интернет. Самыми активными его пользователями становятся молодые люди репродуктивного возраста, в том числе и родители. Они начинают выстраивать новую информационно-образовательную среду: создавать сайты, общаться на форумах, объединяться в сообщества. А поскольку профессионалов в интернет-сообществе существенно меньше, чем родителей, идеи детоцентризма начинают распространяться в обществе в геометрической прогрессии. Противостоят укреплению новой философии практически никому: специалисты и сами ещё не понимают опасности «свободного от ответственности» воспитания, а государство озаботится результатами такого воспитания только через 20 лет – когда выросшие «свободные» дети увеличат статистику преступности, наркомании, социального сиротства. Внутри так называемых благополучных семей появляется новая для общества проблема – взрослые дети-иждивенцы.

Родители, растившие детей в постперестроечный период в духе «свободы», «любви» и «поддержки», сегодня переживают настоящую педагогическую ломку. Они не понимают, как могли вырастить людей, не стремящихся создавать семьи и рождать детей (это труд!), не желающих искать работу («А зачем? Мне всего хватает!») и даже обустроить собственное пространство («Тебе надо, ты и убирай!»).

Сегодня они пытаются защитить себя от требовательных детей-иждивенцев, и эти попытки не всегда бывают успешными.

Например, одна мама, растившая двух сыновей без отца, была вынуждена прекратить свою трудовую деятельность, чтобы вынудить «мальчиков» 18 и 20 лет пойти на работу («А теперь *вы* меня кормите!»). Один «ребенок» всё-таки нашел работу, а второй перебивается случайными заработками. Учиться или заводить семью дети не планируют.

Второй случай имеет те же корни. После развода один сын (16 лет) остался у матери, второй (14 лет) у отца. Оба мальчика, выросшие в финансово благополучной семье и никогда ни в чем не нуждавшиеся, сначала

отказались ходить в школу. При попытке объяснить им, что образование необходимо для само-обеспечения, они очень удивились – «А зачем? У нас же всё есть!». Тогда родители попробовали привлечь детей к выполнению хоть какой-то помощи по дому, но дети и не думали на это откликаться. При попытке одного из родителей наказать проживающего с ним ребенка, он искал приют у другого родителя, обвиняя последнего в плохой заботе. Один из детей пошел дальше – позвонил в органы опеки, обвинив мать в принуждении к труду.

В третьем случае мама, воспитывающая сына одна, устав от того, что в 18 лет он и не думал начинать работать или учиться, пошла в военкомат и приняла все меры, чтобы сына (имеющего «белый билет»), все-таки призвали служить в армии.

(Из опыта работы)

Описанные случаи не единичны. Повзрослевшие (физически) дети не желают взрослеть социально. Они не могут понять, на каком основании родители, всю жизнь служившие для них неограниченным ресурсом, вдруг отказываются удовлетворять их потребности, ждут от них какой-то иной (кроме потребительской) деятельности. А к другой деятельности, к приложению *своих* усилий для достижения *своих* целей многие дети не способны. Цель у человека, как правило, появляется тогда, когда у него чего-то *нет*, а этого «чего-то» хочется достичь (*иметь*). Вот тогда появляется и необходимость приложения усилий.

Но если у ребенка *всё* есть, *зачем* ему ставить новые цели? Прилагать усилия для их достижения (то есть – трудиться)?

Это в советское время труд был национальным трендом. Государственная политика была направлена на пропаганду труда, преодоления, достижения.

Сегодня культивируется не идея созидания, а идея потребления, идея получения чего-то без приложения каких-либо усилий («халява»). Один из самых распространенных рекламных тезисов – «Бери от жизни всё!». (Насчет «отдавай» никто никогда не говорит).

Вырастая из лона семьи, человек оказывается в среде, которая призывает к комфортной бездеятельности. Более того – появляется мода не на то, что ты создал, а на то, что смог получить бесплатно.

Человеку свойственно жить, стремясь к получению максимального удовольствия от жизни. И если всего пару десятков лет назад культивировалась идея удовольствия от труда, то теперь широко распространяется идея удовольствия от иждивенчества. Согласно статистике, основной рост преступлений в современной России наблюдается по статье «кражи» и «грабеж» - то есть, по тем правонарушениям, которые предполагают отъем чужой собственности (см. сайт Федеральной службы государственной статистики - www.gks.ru).

Но психология иждивенчества у современных детей развивается дальше.

Безусловно новой для России является проблема насилия несовершеннолетних детей в отношении своих родителей. Диапазон причин различный, но характерной является демонстрация отношения детей ко взрослым как к субъектам, *обязанным* предоставить материальные блага.

Разговор с подростком 15 лет.

-Почему ты не хочешь учиться?

-А зачем? У меня и так всё есть.

-Ну, это у тебя сейчас всё есть, потому что родители о тебе заботятся. А когда вырастешь, надо же будет самому зарабатывать на жизнь.

-Не-а... Зачем самому? Мне бабушка говорила, что их квартира мне по наследству достанется.

-М-м... Ну, квартира перейдет в наследство только тогда, когда твоих родителей не станет. Но когда ты вырастешь, они будут ещё довольно молодыми, – лет по 40 всего.

(Задумался, размышляет).

-Так я их убью, чтобы мне квартира быстрее досталась. Или нет... Сам-то не убью, а вот нанять кого-то можно...

(Из опыта работы)

Многие родители винят информационную среду в том, что именно она формирует у детей потребительское и агрессивное мышление. («Хочешь иметь - забери! Не отдают? Забери силой!») Но среда – это только *среда* для выращиваемого растения. Поливают, вносят

удобрения и культивируют форму этого растения – родители. И именно семья сегодня может сформировать у ребенка определенную позицию в отношении трудовой деятельности.

Да, эта деятельность практически ушла из школ.

Почему?

1. Во-первых, в связи с *введением ЕГЭ* в содержании образования произошло изменение образовательной доминанты и появилась ориентация прежде всего на интеллектуальные достижения. По всей стране проводятся предметные олимпиады, дающие преференции для будущих абитуриентов, но никто не проводит такие конкурсы по домоводству или ручному труду. Абсолютное большинство школ сегодня «работают» только на обслуживание «егэ-шных» показателей, поскольку результативность (не)воспитания трудно поддается измерению, а приобщение к труду не входит в число поставленных обществом задач.

2. Соответственно, *престижность труда* (особенно ручного) существенно минимизируется.

Только через 10-20 лет после окончания школы и (не)получения высшего образования человек может начать хорошо зарабатывать «ручным» способом (сантехнические, электротехнические работы, шитье, вязание на заказ, уход и присмотр за детьми и т.д.), в то время как при правильной школьной подготовке он мог бы найти дело по душе гораздо раньше. В советское время эту задачу выполняли УПК (учебно-производственные комбинаты), но сегодня аналогичных структур в системе образования не создано. Реформаторы образования почему-то считают, что интерес к рабочим профессиям появится у детей сам собой, и они с радостью уйдут в профессиональные училища.

На практике известно, что в подобные заведения идут не самые успешные выпускники, и это ещё больше понижает престижность рабочих профессий.

3. В третьих, одним из стимулов в выборе рабочей профессии ещё на этапе школьного обучения было наличие *профессиональных династий*.

В таких династиях происходила своеобразная кристаллизация профессионального опыта, а значит, и его передача позволяла ребенку быстрее освоиться в этой деятельности, понять её специфику и найти свою нишу. Дети, выросшие в таких семьях, получали не только опыт и знания, но и постоянную профессиональную поддержку. Часто представителей таких династий приглашали в школы, и с их деятельностью могли познакомиться и другие дети.

С увеличением возможностей социально-профессиональной мобильности, появлением необходимости ухода в другие сферы деятельности и разрывом семейных связей количество профессиональных династий существенно сократилось. Соответственно, ребенку стало труднее «вживую» увидеть представителей тех или иных профессий и познакомиться с особенностями отдельных профессиональных сфер. Поскольку учителя так же мало знакомы со спецификой современного производства, то они вряд ли могут быть полезны своим ученикам в реальной профессиональной ориентации.

Кроме того, педагоги не очень охотно организуют различные трудовые акции, они объясняют это страхом перед конфликтами с семьей из-за якобы «принуждения» детей к труду. Сегодня директора школ, во избежание получения родительских жалоб, предпочитают нанять дополнительный персонал, чтобы привести в порядок классы или пришкольную территорию.

А как обстоят дела на социальном поле? Чем общество может помочь семье для исправления ситуации и возвращения труда в жизнь детей и взрослых?

Обозначим несколько факторов, которые играют важную роль в обсуждаемой проблеме.

1. *Безопасность*. Отсутствие должного контроля в социально-трудовой сфере порождает её криминализацию, возможность нелегальных заработков, «серых» схем в выплатах зарплаты, подделку документов и т.д. Очевидно, что попадание ребенка в

трудовую сферу содержит риски, которые обычным родителям сложно предугадать. Поэтому многие семьи не решаются отправить детей на заработки вне привычного круга общения. В этом плане проблему могли бы решить родительские сообщества – где семьи знакомы с профессиональной деятельностью друг друга и могут подстраховать начинающих работников.

2. *Усиление ответственности работодателей.* В ситуации несовершенства трудовой сферы современные работодатели подвергаются огромным штрафам по самым разным поводам. Принятие на работу несовершеннолетних людей повышает риск работодателей на увеличение таких штрафов, поэтому они предпочитают не связываться с подобным контингентом и не ставить под удар свои организации. Соответственно, чем дольше и легальнее работает такая организация, тем сложнее детям найти в ней работу. Если бы государство было заинтересовано в создании «детских» рабочих мест, оно бы могло поддерживать таких работодателей, которые готовы принять на работу подростков.

3. Ещё одним фактором, мешающим привлечению детей к труду, можно назвать, как это ни парадоксально, складывающуюся *систему защиты прав ребенка*. Российское общество до сих пор серьезно не обращалось к этой проблеме. А между тем растущее количество сирот со сформированной явно иждивенческой психологией требует и адекватной трудовой социализации. Дети, выросшие на полном социальном обслуживании, ещё труднее, чем дети из семей, привыкают к мысли о необходимости самостоятельного материального обеспечения. В этом смысле обе категории детей мало отличаются друг от друга. Но общество сегодня всё активнее требует от государства обеспечивать сирот всем необходимым, вместо того, чтобы направить свои усилия на создание условий по изменению самой идеологии иждивенчества. Совершенно очевидно, что ребенок, не получивший в детстве навыков трудовой деятельности, не получивший радости от созданного им самим продукта, будет всегда относиться к труду как к наказанию и избегать его.

С психологической точки зрения, человек, не способный произвести общественно-значимый продукт, страдает низкой самооценкой, ощущением бесперспективности, никчемности своей жизни. Как отмечают ученые, у него пропадает ощущение собственной безопасности, так как он не уверен, что сможет защитить себя [3].

Где разница между «эксплуатацией» детей и разумным «приобщением» и «обучением» труду? Каковы границы ответственности в этом вопросе семьи, общества и государства? Какие условия существуют сегодня, чтобы воспитать из ребенка не только потребителя, но и создателя?

По всей видимости, это тема отдельного разговора.

Напоследок – очередная картинка сегодняшнего дня.

Одна девочка, в ответ на слова матери о том, что семья не может дать ей денег на очередную безделушку, сказала: «И что теперь? Я должна страдать от того, что вы плохо работаете?!»

Возможно, в чем-то она и права. Дети реально страдают от того, что взрослые плохо, очень плохо работают над проблемой трудового воспитания. Если бы они работали над этой проблемой лучше, то у детей появились бы другие типы удовольствия: от хорошо сделанной работы, от признания людей, от не зря прожитой жизни. Потому что жизнь – это не то, о чем ты мечтаешь, а то, что ты *делаешь*.

Литература:

1. Арутюнян М. Педагогический потенциал семьи и проблема социального инфантилизма молодежи // Отец в современной семье. Вильнюс, 1988, с 26-33.
2. Иваницкая Е., Хоменко И. Любишь тратить? Люби и зарабатывать! Особенности американского трудового воспитания / «Первое сентября» N13, 2004.

3. Костина Л.М., Хоменко И.А. Продуктивная социально-востребованная деятельность как основа психологической безопасности личности. // Народное образование. - № 7. – 2012. – С. 267-272.
4. Павлов Б.С. Трансформация отношения молодежи к труду в Старопромышленном регионе: онтогенетический аспект // Экономика региона. — 2015 — №3. — С. 134-147
5. Шевелева Н.П., Кузнецов И.С. Предпосылки формирования социального иждивенчества в среде российской молодежи. // теория и практика общественного развития № 18 (2015) . Режим доступа: URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/18/sociology/sheveleva-kuznetsov.pdf (дата обращения 18.02.2016).